

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	5
Введение	9
Глава I. Революционная биография и политический авторитет....	28
1. Биографии и биографы	29
2. Юность вождя	45
3. «Народный трибун»	55
4. Герой революции	82
5. «Борец за свободу» и культ «борцов за свободу»	102
Глава II. «Революционный министр»	122
1. Великий примиритель.....	123
2. Вездесущий «министр народной правды»	139
3. Министр-демократ.....	160
4. «Министр революционной театральности» и «поэт революции»	173
5. Великий мученик революции.....	196
6. Керенский как Луи Блан: особенности политической коммуникации большевиков.....	209
7. «Взбунтовавшиеся рабы» и «великий гражданин».....	221
Глава III. Вождь революционной армии	252
1. «Железная дисциплина долга»	252
2. Поездка в Гельсингфорс.....	272
3. «Декларация Керенского»	289
4. «Неутомимый триумфатор»: Керенский на фронте.....	306
5. «Ищут Наполеона»: Керенский и «бонапартизм».....	323
6. Большой театр и рождение «нового человека»	344
7. Керенский и партия социалистов-революционеров	358
Глава IV. «Наступление Керенского»	386
1. «Главноуправляющий»: пропаганда подготовка наступления.....	393
2. «Керенский» и «Ленин».....	413
3. Июньский кризис и Июньское наступление	432
4. Популярный бренд и символ революции	463
Заключение	483
Список сокращений	503
Именной указатель	504

ВВЕДЕНИЕ

Британский посол Дж. Бьюкенен вспоминал, что в дни революции некий русский солдат якобы заметил: «Да, нам нужна республика, но во главе ее должен стоять хороший царь». Суждение, воспринимавшееся английским дипломатом как оксюморон, должно было подтверждать его мнение относительно странной политической культуры жителей страны пребывания: «Россия не созрела для чисто демократической формы правления...»¹

Упоминания о подобных высказываниях русских простолюдинов встречаются и в дневниках иностранцев². Они нередко желали представить Россию еще более экзотичной, чем она была, а стремление ее обитателей иметь «демократическую республику с хорошим царем» подтверждало, казалось, это мнение. И сводки российской военной цензуры цитируют письма солдат: «Мы хотим демократическую республику и царя-батюшку на три года»; «Хорошо было бы, если бы нам дали республику с дельным царем»; «Царя свергли с престола, теперь новое правительство, ничего, хорошее, жить можно, а когда выберут царя, да получше, — еще лучше будет». Некий цензор делал вывод: «Почти во всех письмах крестьян высказывается желание видеть во главе России царя. Очевидно, монархия — единственный способ правления, доступный крестьянским понятиям»³.

¹ *Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memoires. London; New York; Toronto; Melbourne, 1923. Vol. 2. P. 86, 114. См. также: P. 111, 128, 216–217.*

² *Robien L. de. The Diary of a Diplomat in Russia, 1917–1918. London, 1969. P. 24; War, Revolution and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914–1927. Stanford, 1992. P. 46.*

³ Материалы военной цензуры хранятся в различных архивах: Российский государственный военно-исторический архив [далее — РГВИА]. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1494. Л. 14; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки [далее — ОР РНБ]. Ф. 152. Оп. 1. Д. 98. Л. 34; Российский государственный архив Военно-Морского Флота [далее — РГА ВМФ]. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5666. Л. 4.

Вряд ли все крестьяне и солдаты, высказывавшиеся так, были убежденными монархистами: ведь они хотели ограничить срок правления царя, предусматривали его избрание и переизбрание. Вернее было бы предположить, что понятия «государство» и «царство» они рассматривали как синонимы, им было трудно, даже невозможно представить государство без «государя», сильного главы государства. Нередко солдаты отказывались присягать Временному правительству, ибо само упоминание о «государстве» в тексте присяги рассматривалось как проповедь монархизма, — они кричали: «У нас нет государства, а есть республика». Офицер-фронтовик в письме от 12 марта описывал отношение солдат к тексту присяги: «Присягать сегодня, по-видимому, опять не будут — оказывается, их смущает имеющееся в тексте присяги слово “государство”; они думают, что это что-то такое, где обязательно должен быть государь, а государь, в их понятиях, непременно самодержец»⁴.

Можно предположить, что солдаты, мечтавшие о «демократической республике» с «хорошим царем», желали установления президентской республики с большими полномочиями главы государства. Точно сформулировать свой идеал государственного устройства они не могли, ибо не владели необходимым политическим языком — не знали, как выразить свой авторитарный «республиканизм» иными словами. Трудности с «переводом» собственных идеалов на язык современной политики испытывали не только малообразованные люди, но и представители тех групп, которые до революции культивировали аполитичность (например, кадровые офицеры)⁵. Да и политизированные современники порой не находили нужных слов для описания непривычной и быстро меняющейся реальности.

Приведенные примеры дают представление о той сложной ситуации, в которой оказались бывшие подданные царя, становившиеся гражданами новой России. В трудном положении были и политики разного ранга: их послания содержали термины, которые требовали надлежащего «перевода» (это привело к появлению множества

⁴ См.: *Оськин Д. П.* Записки прапорщика. М., 1931. С. 110–111; *Gourko V.* War and Revolution in Russia, 1914–1917. New York, 1919. P. 326–327; Из офицерских писем с фронта в 1917 г. / Публ. Л. Андреев // Красный архив. 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 194–210 (автором письма был И. Д. Гримм).

⁵ О различном понимании термина «демократия» и некоторых других см.: *Колоницкий Б. И.* Язык демократии: Проблемы «перевода» текстов эпохи революции 1917 года // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Н. Е. Копосов. СПб., 2006. С. 152–189.

«политических словарей», востребованных читателями). Монархия могла вызывать разные чувства, но она была привычна и, казалось бы, понятна. Язык описания царской власти, образцы отношения к человеку, воплощающему собой верховную власть, даже набор тех эмоций, которые должен был вызывать верховный носитель такой власти, — все это было знакомо, разными способами передавалось из поколения в поколение.

Свержение монархии требовало от граждан новой России поиска новых слов, новых ритуалов, новых предписываемых политических эмоций. Как обеспечивается легитимность и сакральность новой власти? Как следует обращаться к политическим лидерам? До какой степени можно иронизировать по поводу власти и ее носителей? Эти вопросы требовали ответа. Роль творцов нового языка пытались брать на себя различные партии и организации. Процесс создания новых слов, ритуалов, символов проходил в условиях острой борьбы за власть, конкурирующие силы обосновывали собственное право на разработку авторитетного, «правильного» политического языка и его интерпретацию.

Все это имеет непосредственное отношение к узловым проблемам изучения революций. Мало кто спорит с тем, что основным вопросом всякой революции является вопрос о власти. И все же это утверждение следует признать не вполне точным: вопрос о власти всегда находится в центре любых политических процессов, поэтому уместнее говорить о специфическом состоянии власти в эпохи революций, которое отличается от властвования в иные, неревволюционные времена.

М. Вебер в работе «Политика как призвание и профессия» — написанной в 1918 году, под воздействием революционных потрясений того времени, — цитировал Л. Троцкого, который заявлял: «Всякое государство основано на насилии». Ученый и сам описывал государство как сообщество, успешно претендующее «на монополию легитимного физического насилия»: «...единственным источником “права” на насилие считается государство»⁶.

Если использовать формулировки Вебера, то революцию можно рассматривать как особую политическую ситуацию, при которой существовавшая ранее государственная «монополия легитимного физического насилия» постоянно подвергается вызовам. Подобные

⁶ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 645–646.

процессы демонополизации и ремонополизации права на насилие сопровождаются и соответствующими процессами делегитимации и легитимации этого права. Важнейший вопрос любой революции — это вопрос о легитимации насилия. Соответственно, перед историками революции встает задача изучить политические тактики легитимации и ее культурные формы.

Вебер выделяет три базовых основания легитимности (в политической реальности ни одно из них не существует в чистом виде): авторитет традиции (авторитет «вечно вчерашнего» — например, основанный на религиозной традиции); авторитет внеобыденного, незаурядного личного дара вождя (авторитет харизмы); наконец, авторитет легального установления (рационально обоснованной законности)⁷.

Различные революции по-разному определяли свое отношение к традиции. Вожди «великого мятежа» в Англии XVII века, как известно, оформляли свои политические идеи с помощью языка религии и говорили о возвращении к «прерванной», «извращенной» традиции, которую следовало восстановить, возродить, устранив позднейшие нарушения. Это проявилось и в раннем значении слова «революция», взятого из языка астрономии и астрологии: возвращение к «изначальному» состоянию⁸. Многим другим революциям, напротив, была присуща установка на абсолютную новизну: революционеры декларировали создание совершенно «нового мира», отличного от «старого порядка». В ходе Российской революции доминировала тенденция, требующая радикального разрыва с эпохой «старого режима», именно решительное преодоление прошлого было важным ресурсом легитимации для революционеров.

Авторитет рационально обоснованной законности подвергается в условиях революций вызовам: под вопрос ставится монополия государства на правотворчество и применение права, могут возникнуть несколько конкурирующих правовых систем. Это было присуще и Российской революции, когда Временное правительство, Петроградский Совет, Украинская центральная рада и другие властные структуры разного уровня создавали собственные правовые пространства, а различные общественные организации поддерживали и инициировали

⁷ Вебер М. Политика как призвание и профессия. С. 646.

⁸ О понятии «революция» см.: Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. / Пер. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. Т. 1. М., 2014. С. 520–728.

«народное правотворчество» снизу и таким образом обосновывали свою легитимность⁹.

Для исследования феномена власти в условиях революций следует всесторонне изучать авторитет лидеров, вождей, обладателей харизмы, которые подтверждают его своими особенными действиями — сбывающимися пророчествами, героическими поступками, необычайными успехами. Харизма основывается не только на качествах лидера — действительных или приписываемых ему, но и на символической репрезентации сообщества, которое признает за вождем дар харизмы, легитимирующий его действия; поэтому историка должны интересовать поступки и слова людей, разными способами творящих авторитет вождя. Изучение методов и тактик легитимации лидеров, анализ сопутствующих политических конфликтов представляют важнейшую задачу для историков революции, поскольку помогают лучше понять те социально-политические процессы, которые были связаны с конструированием образов вождей.

Для российской истории XX века эта тема представляет особый интерес и особую значимость. Культ личности, культ вождей, без которого невозможно представить советскую историю, уже давно стал предметом специальных исследований. Более всего изучен культ Ленина (см. работы Н. Тумаркин, Б. Эннкера, О. В. Великановой и др.)¹⁰. Однако историки, изучая ключевые этапы формирования культа Ленина — покушение 1918 года, пятидесятилетний юбилей вождя в 1920 году, смерть, балзамирование, — крайне бегло описывают период 1917 года, хотя именно этот период политической борьбы имел большое значение для складывания культурных форм восприятия харизматических вождей и их репрезентаций. Для достижения целей настоящего исследования полезен подход Б. Эннкера. Изучая превращение харизмы вождя в его культ, этот автор связывает создание культа с актуальными политическими задачами, которые ставили перед собой разные группы большевистских руководителей в новой политической ситуации.

⁹ Токарев Ю. С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1965.

¹⁰ Tumarkin N. Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Cambridge (Mass.); London, 1983 (см. на рус.: Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997); Ennker B. Die Anfänge des Leninkults in der Sowjetunion. Koeln; Weimar; Wien, 1997 (см. на рус.: Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011); Velikanova O. Making of an Idol: on Uses of Lenin. Gottingen, 1996; Великанова О. Образ Ленина в массовом восприятии советских людей по архивным материалам. Lewinston; Queenston; Lampeter, 2001.

Культу личности Сталина посвящена работа Я. Плампера, изучающего изображения вождя¹¹. Тем не менее — повторюсь — представляется, что исследователи культов советских вождей недооценивают значение культурно-политических процессов 1917 года для складывания политической культуры советского периода.

В настоящем исследовании предметом изучения будет «культ Керенского» — тактики укрепления и ниспровержения его авторитета, культурные формы репрезентации этого политика и их восприятие. Соответственно, рассматриваются тексты и визуальные образы, символические жесты и ритуалы, с помощью которых создавались разнообразные, порой противостоящие друг другу образы вождя. Выбор объекта исследования обусловлен тем авторитетом, которым этот политик первоначально обладал. На связь между поклонением Керенскому и культурами советских вождей указывали участники тех событий. Видный деятель конституционно-демократической партии В. А. Маклаков впоследствии утверждал, что после свержения монархии у обывателя сохранилось «предпочтение личной власти, Хозяина» и многие жители революционной страны ориентировались не на авторитет политических институтов, а на личный авторитет лидеров. Мемуарист отмечал: «На этом чувстве было заложено поклонение Керенскому, потом Ленину, а в конце обоготворение Сталина. Не хочу сравнивать этих людей, столь несхожих по духу, но во всех режимах, которые друг друга сменяли после 1917 года, скрывалось привычное искание властной личности и недостаток доверия к “учреждениям”»¹².

Утверждение Маклакова, повторявшееся в разных вариациях и другими авторами, сложно подкрепить доказательствами, однако мысль о преемственности отношения к политическим лидерам представляется интересной. Для многих современников Александр Федорович Керенский был центральной фигурой Февраля, именно он олицетворял для них свершившийся переворот. Уже в конце 1917 года оппоненты Керенского говорили о «восьми месяцах» его правления¹³. Речь шла обо всем периоде революции — с марта по октябрь, хотя Керенский стал министром-председателем лишь в июле.

¹¹ *Плампер Я.* Алхимия власти: Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010 (издание на англ.: *Plamper J.* The Stalin Cult: A Study in the Alchemy of Power. Stanford (Calif.); New Haven, 2012).

¹² *Маклаков В.* Воспоминания: Лидер московских кадетов о русской политике, 1880–1917. М., 2006 (1-е изд.: Нью-Йорк, 1956).

¹³ Петроградский военно-революционный комитет: Документы и материалы / Отв. ред. Д. А. Чугаев. М., 1967. Т. 3. С. 194, 616.

В настоящем исследовании для понимания культурных форм репрезентации политика изучаются различные «образы» Керенского, создававшиеся им самим, его сторонниками и союзниками, его оппонентами и врагами. Под «образами» понимаются обладающие некоторой семантической общностью комплексы характеристик вождя, которые давались ему в разных текстах и изображениях.

Данное исследование посвящено прежде всего политической культуре революции, оно не претендует на создание новой биографии Керенского. Эта книга — не о политическом лидере, а о его культе. Разумеется, не следует противопоставлять биографию политика культурным формам его прославления. Да, предлагаемый подход позволит, как мне представляется, по-новому взглянуть на Керенского, и можно надеяться, что новые его биографы смогут использовать мои наблюдения и выводы. Но все-таки главной целью книги уточнение жизнеописания Керенского не является — через различные образы лидера, через случаи их создания и использования я пытаюсь посмотреть на те организации, на тех людей, которые их, эти образы, создавали, стремлюсь взглянуть через них на политические, культурные и социальные процессы эпохи революции.

Можно согласиться с тем, что Керенскому «не повезло» с историографией: немногие из исследователей сочувственно описывали «революционного министра». Это неудивительно: и по сей день историки нередко отождествляют себя с одними участниками революции и противопоставляют другим. Поэтому историография 1917 года в массе своей продолжает быть «партийной», часто исследователи (и тем более читатели) искренне полагают, что историография не может (и не должна) быть иной. Недаром и ныне в ходу разные варианты либеральных и консервативных, социалистических и коммунистических, националистических и имперских, «красных» и «белых» историй революции; востребованы исторические повествования, восходящие к мемуарам участников событий. Порой можно говорить даже о «партийности второй степени» — когда историки-антикоммунисты воспроизводят структуру советского исторического нарратива, лишь меняя знак оценки на противоположный.

С Керенским же сейчас мало кто себя отождествляет. Он, как мы увидим, формально примыкая к эсерам, не связывал себя с какой-либо одной партией, пытаясь играть роль «объединителя», «моста» между умеренными социалистами и либералами. Подобное лавирование первоначально приносило ему успех, но к Октябрю разногласия между партнерами по коалиции усилились, база поддержки Керенского

сузилась и ослабла, а его возможности для маневра становились все более ограниченными, ни одна из ведущих политических сил в это время не выражала ему безусловного одобрения. Напротив, чуть ли не все основные силы — хотя в разной степени и в разной форме — критиковали его осенью 1917 года. Это сказывалось и сказывается на отношении к нему нескольких поколений «партийных» историков, «наследников» политических оппонентов Керенского: он не воспринимался и не воспринимается как «свой», с ним не отождествляют себя участники нынешних политических баталий.

Керенскому не повезло и с его собственными автобиографиями, предварявшими жизнеописания, которые были созданы другими авторами, и влиявшими на них. В 1918 году бывший глава Временного правительства издал брошюру «Дело Корнилова», а позднее опубликовал несколько вариантов автобиографии, в которых создавал и вновь переписывал свою версию истории революции¹⁴. Постоянным в этих текстах, написанных в разные эпохи, оставалось одно: Керенский желал прославить Февральскую революцию и увековечить свою роль в ней; однако аргументация автора менялась, со временем он корректировал и модернизировал свое повествование. По сравнению с тем лидером, каким он был в 1917 году, Керенский представлял себя более современным, более западным, более рассудительным, дальновидным и уверенным. И, добавим, менее интересным. Серия созданных им парадных автопортретов, идеализирующих и романтизирующих их творца, заслонила живое изображение жесткого и своеобразного политика, который вовсе не случайно — вопреки мнению многих современников и части историков — оказался во главе правительства в эпоху революции.

Искажение истории в автобиографиях Керенского, которые можно назвать «автоагиографиями», вернулось к их автору своеобразным бумерангом: исследователи, негативно относившиеся к «вождю», отталкивались от его воспоминаний; полемизируя с политиком, они порой воспроизводили структуру его повествования; делая из его автопортретов снижающую карикатуру, они сохраняли их композицию.

¹⁴ Краткий перечень соответствующих работ А. Ф. Керенского: Дело Корнилова. М., 1918 (др. изд.: 1987, 2007); Гатчина. М., 1922 (др. изд.: 1990); Издалека: Сб. ст. (1920–1921). Париж, 1922 (др. изд.: 2007); *The Catastrophe: Kerensky's Own Story of the Russian Revolution*. New York; London, 1927; *La révolution russe*, 1917. Paris, 1928 (рус. пер.: 2005); *The Crucifixion of Liberty*. London; New York, 1934 (др. изд.: 1965); *Russia and History's Turning Point*. New York, 1965 (нем. и фр. пер.: 1966; рус. пер.: Вопросы истории. 1990–1991; отд. рус. изд.: М., 1993, 1996, 2006).

Влияние мемуарно-исследовательского проекта Керенского на историографию революции невозможно отрицать. И все же вряд ли именно такой эффект соответствовал замыслам самого автора.

Многие историки, писавшие о революции, касались различных аспектов деятельности Керенского. Ограничусь лишь перечислением части работ, непосредственно ему посвященных. Цензурные обстоятельства советского времени затрудняли появление объективных исследований, но и в этой ситуации В. И. Старцев смог подготовить важную работу о кризисе осени 1917 года¹⁵. Г. Л. Соболев в новаторском для своего времени исследовании изучал революционное сознание рабочих и солдат¹⁶. В связи с этим он рассмотрел и некоторые аспекты популярности Керенского, и некоторые характерные черты той социально-психологической атмосферы, в которой появился и развивался культ вождя.

И по сей день наиболее обстоятельным жизнеописанием Керенского является книга британского исследователя Р. Эбрахама, опубликованная еще в 1987 году¹⁷. Автор не мог в те времена работать в российских архивах, но он внимательно изучил прессу эпохи, работал в архивах нескольких стран, опрашивал людей, лично знавших Керенского.

Перестройка сделала возможным углубленное изучение биографии Керенского в России: доступными стали новые источники, были сняты цензурные запреты. Заслуженный интерес читателей еще в советское время привлекли работы Г. З. Иоффе, который использовал новые интересные источники. Гласность позволила обратиться к иному типу исследования, и одну из своих книг этот автор посвятил трем лидерам: Керенскому, Корнилову, Ленину¹⁸. Данная работа заставляет

¹⁵ *Старцев В. И.* Крах керенщины. Л., 1982. О Керенском В. И. Старцев писал и в других своих работах: *Он же.* Бегство Керенского // Вопросы истории. 1966. № 11. С. 204–206; *Он же.* Керенский: Шарж и личность // Диалог. 1990. № 16; *Он же.* Русское политическое масонство начала XX в. СПб., 1996; *Он же.* Тайны русских масонов. СПб., 2004 (последняя книга представляет собой дополненное издание монографии «Русское политическое масонство»).

¹⁶ *Соболев Г. Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973. Исследователь выпустил и подборку источников, освещающих деятельность Керенского, она снабжена предисловием, которое имеет самостоятельное научное значение: Александр Керенский: любовь и ненависть революции: Дневники, ст., очерки, воспоминания современников / Сост. Г. Л. Соболев. Чебоксары, 1993.

¹⁷ *Abraham R.* Alexander Kerensky: The First Love of the Revolution. London, 1987.

¹⁸ *Иоффе Г. З.* Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.

размышлять о феномене персонификации политического курса: историки вслед за современниками нередко описывают политическую ситуацию через изучение противостоящих друг другу лидеров. Иногда за этим стоит писательский прием: читатели воспринимают историю как комплекс жизнеописаний и ждут именно такого повествования от автора. Вместе с тем историки нередко следуют за современниками, которые противопоставляли Ленина, Корнилова и Керенского не только как личностей, но и как альтернативы общественно-политического развития. Персонификация же исторических процессов ставит вопрос об исследовании приемов персонификации, использовавшихся современниками.

За последние десятилетия появилось несколько биографий Керенского¹⁹. В некоторых из них тщательно изучаются различные аспекты его жизни. С. В. Тютюкин, например, внимательно рассмотрел деятельность Керенского в Государственной думе. Исследователями введены в научный оборот интересные источники, сделаны важные наблюдения, но деятельность Керенского в 1917 году заслуживает дальнейшего изучения.

Для настоящего исследования особенно важна статья А. Г. Голикова, посвященная не только биографии политика, но и «феномену Керенского»: его репрезентации и восприятию ее общественным сознанием²⁰. Правда, автор рассматривает весь период с марта по октябрь как единый, не обращая внимания на корректировку репрезентации, осуществлявшуюся в зависимости от изменения политической ситуации.

¹⁹ Басманов М. И., Герасименко Г. А., Гусев В. К. Александр Федорович Керенский. Саратов, 1996; Федюк В. П. Керенский. М., 2009; Тютюкин С. В. Александр Керенский: Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. А. Б. Николаев опубликовал исследование, посвященное интервью 1917 года, в котором Керенский описывал дни Февраля: Николаев А. Б. А. Ф. Керенский о Февральской революции // Клио. 2004. № 3. С. 108–116. Последняя по времени публикация этого источника: The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 Revolution / Ed. S. Lyandres. Oxford, 2013. А. Е. Рабинович сопоставил политическую тактику Керенского и Ленина: Рабинович А. А. Ф. Керенский и В. И. Ленин как политические лидеры периода кризиса // Политическая история России XX века. К 80-летию проф. В. И. Старцева: Сб. науч. тр. СПб., 2011. С. 209–216.

²⁰ Голиков А. Г. Феномен Керенского // Отечественная история. 1992. № 5. С. 60–73. При описании жизни Керенского автор использует материалы его фонда в Государственном архиве Российской Федерации. Для изучения «феномена Керенского» он привлекает в основном периодическую печать 1917 года. См. также публикацию писем юного Керенского, выявленных А. Г. Голиковым в архиве и подготовленных им к печати: «...Будущий артист Императорских театров»: Письма Александра Керенского родителям / Публ. А. Г. Голикова // Источник: Документы русской истории. (Приложение к журналу «Родина») 1994. Т. 3. С. 4–22.

Опираясь на биографии Керенского, используя многочисленные исследования, посвященные истории революции, можно приступить к изучению культа вождя. Этот подход позволит рассмотреть некоторые важные аспекты истории борьбы за власть — трудные для понимания, если использовать традиционные методы изучения политики.

При исследовании культа вождя я применяю подходы, опробованные историками общественного сознания. Прежде всего, это Г. Л. Соболев, который расширил представления историков о 1917 годе, в частности о феномене политического: указал на политические аспекты функционирования массовой культуры, на политическое значение преобразований в церкви. Наконец, предпринятый им тщательный анализ резолюций показал, что сознание активистов разного уровня существенно отличалось от «правильных» установок руководящих органов политических партий. И ранее историки, советские и зарубежные, изучали среду функционирования политических партий и политических деятелей, но речь шла главным образом о социально-экономических аспектах. В исследовании же Соболева ставился вопрос о необходимости изучения культуры и языка для понимания феномена революционной власти²¹.

Также я опирался на подход, примененный Р. Уортманом для изучения репрезентации императорской власти²². Ранее я уже использовал некоторые исследовательские приемы этого автора, скорректировав их в соответствии с задачами своей работы, посвященной «образам» членов царской семьи в годы Первой мировой войны²³. В книге «Трагическая эротика» я стремился описать не только репрезентацию императора, но и «образы» других представителей династии, либо влиявшие на репрезентационную тактику монарха, либо помогающие лучше ее понять. Меня интересовала не только реконструкция истории создания «образа», но и история его использования. Я пытался изучать не только «положительные» образы членов императорской семьи, но и образы «негативные». Впрочем, противопоставление

²¹ Соболев Г. Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г.

²² Wortman R. S. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton (NJ), 1995–2000. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I; Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II (см. на рус.: Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М., 2002–2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I; Т. 2: От Александра II до отречения Николая II).

²³ Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

«негативных» и «позитивных» образов весьма условно: в разных контекстах, разными участниками событий они могут восприниматься и использоваться по-разному.

Подобный подход я применяю и в этом исследовании. Вместе с тем особенности изучаемой культурной и политической ситуации, прежде всего необычайный динамизм революционной эпохи, требуют от историка расширения набора применяемых исследовательских приемов. Больше внимания понадобилось уделить быстро менявшемуся политическому контексту, который непосредственно влиял на конструирование образов власти. Культ Керенского я рассматриваю, сравнивая его с репрезентациями других вождей той поры.

В соответствии с задачами исследования и на основе имеющихся источников я и строю свое повествование о репрезентациях «революционного вождя». Пеструю коллекцию его образов я стремился упорядочить, объединяя и классифицируя их по разным принципам. Прежде всего, я пытаюсь выделить те образы Керенского, которые получали особое значение и особое распространение. При этом и популярность, и, наоборот, отсутствие какого-либо подобного образа в той или иной группе источников ставят передо мной частные исследовательские вопросы. Некоторые особенно важные источники требуют развернутого комментирования. Для понимания создания, распространения и всевозможного использования образов Керенского я пытаюсь реконструировать соответствующие культурные и политические контексты, уделяя особое внимание контексту политической борьбы. Такой прием — многомерная контекстуализация — позволяет связать исследование культа Керенского с общей политической историей революции.

При этом изучение слухов о лидере не менее важно, чем фактографическая реконструкция событий²⁴. Слух, передаваемый авторитетным специалистом, мнению которого доверяют в силу его профессиональной компетенции, получает статус экспертной оценки и влияет на принятие политических решений, а слухи, которым верят массы современников, оказывают огромное воздействие на ход истории. Противопоставление слухов тому, что «было на самом деле», методологически наивно: исследователь должен учитывать все факторы, которые влияли на изучаемые процессы.

²⁴ В авторитетном, во многих отношениях непревзойденном исследовании политической элиты эпохи Первой мировой войны слухи упоминаются неоднократно. См.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1915). Л., 1967. С. 99, 112, 115, 116 и др. В. С. Дякин неоднократно указывал, что слухи влияли на политическую ситуацию.

Для исследования культурных форм укрепления авторитета вождя важны тексты самого Керенского, прежде всего его речи и приказы. Многие партийные лидеры осуществляли свое руководство, публикуя статьи, брошюры и даже тексты, претендующие на статус научных (достаточно вспомнить, например, брошюру В. И. Ленина «Государство и революция»). Немало внимания они уделяли и переписке — также важному инструменту политического руководства. И во время революции многие «вожди» оставались за письменным столом: в собрание сочинений Ленина входят несколько томов, состоящих из текстов статей, брошюр, писем, созданных в 1917 году. И Ленин в этом отношении не был исключением: Милуков и Чернов, Плеханов и Мартов, Шульгин и Троцкий в то время немало писали и много читали²⁵. В России политический авторитет часто строился на основе идеологических текстов лидера: «вождь» был «властителем дум» (впоследствии и советские вожди, сменившие Ленина, претендовали на роль лидеров-интеллектуалов, «верные ученики» в свою очередь стремились приобрести положение великих «учителей»).

Керенский же утверждал свой статус лидера с помощью приказов и речей. Его публичные выступления были известны современникам по газетным публикациям, в 1917 году вышло и несколько отдельных изданий речей и приказов министра (что свидетельствовало об их популярности и востребованности — выступления других политиков не привлекали такого внимания книгоиздателей). Порой в различных публикациях по-разному излагалось содержание одной и той же речи, и в таком случае перед историком встает задача их сопоставления, хотя точно реконструировать это содержание невозможно. Изучение риторической тактики оратора позволяет сделать наблюдения относительно репрезентации вождя. Важно ставить вопрос о воздействии той или иной речи на современников, а значит, рассматривать историю цитирования выступлений. Публикации могут дать и представление о реакции аудитории: в них фиксируются аплодисменты, возгласы; при этом и упоминания в разных источниках о поведении слушателей также могут различаться.

²⁵ На заседаниях Временного правительства Чернов писал статьи для партийной газеты, несмотря на призывы его союзника И. Г. Церетели принимать участие в обсуждении важных вопросов. Историк эсеров отмечал, что вместо того, чтобы писать законы, лидер партии писал газетные статьи: *Radkey O. H. The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries, February to October, 1917. New York, 1958. P. 332, 333–334.* Это был тот стиль политического руководства, к которому Чернов привык.

Большое значение представляют пропагандистские и информационные материалы. Изучение их кажется простой задачей, но эта простота обманчива, ибо исследователь не всегда может быть убежден, что верно понимает значение терминов, которые кажутся современному читателю вполне ясными (показательны приведенные уже примеры использования и восприятия слов «демократия», «царь», «государство»). Историкам следует помнить о тех разнообразных смыслах, которые вкладывали в эти тексты авторы, и о тех интерпретациях, которые могли дать этим текстам в 1917 году читатели и слушатели; исследователь должен взять на себя роль «переводчика» с языка революции.

Важнейшим источником являются политические резолюции, петиции, поздравления, коллективные письма. Историкам по-разному оценивают их информационную ценность. Однако сам факт того, что письма направляются в определенное издание или орган власти, сигнализирует о наличии определенной позиции: их составители часто ориентируются на ту структуру, которую они уже считают авторитетной. Например, можно предположить, что взгляды людей, писавших в «Известия» Петроградского Совета, были близки к позиции этой газеты, а то и совпадали с ней. Взгляды же явных противников издания представлены в массиве писем, поступавших в редакцию, непропорционально малым числом обращений²⁶.

Иногда за резолюциями и коллективными письмами не признается информационной ценности. Предполагается, что источник может лишь иллюстрировать настроения участников событий. Например, В. П. Федюк цитирует резолюцию, опубликованную в одной из ярославских газет вскоре после назначения Керенского военным министром: «Команда ярославского военного лазарета, собравшись 9 мая для выборов членов дисциплинарного суда, единогласно постановила приветствовать Вас — первого министра-социалиста, пользующегося любовью и уважением всей Руси Великой. С радостью отдаем все наши силы в Ваше распоряжение». Историк задается вопросом: «Лазаретная команда (сколько в ней числилось человек? двадцать? тридцать?), собравшись для решения вполне конкретного вопроса, ни с того ни с сего посылает министру телеграмму с выражением преданности

²⁶ В своем важном исследовании О. С. Поршнева недостаточно учитывает это ограничение, когда изучает письма как источник для реконструкции сознания «низов». См.: *Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 г.)*. Екатеринбург, 2000.

и любви. Если подумать, в этом было что-то ненормальное»²⁷. Последнее замечание, касающееся отклонения от «нормы», в равной мере приложимо к множеству приветственных телеграмм в адрес Керенского, которыми действительно были полны газеты этого времени.

Но исследователь может задать и иные вопросы. Почему, например, газета сочла необходимым напечатать резолюцию такого подразделения, ведь эта публикация могла выглядеть комичной? Разумно предположить, что в данном случае важен был не авторский коллектив, а содержание резолюции. Так, наверное, должен был реагировать на назначение Керенского идеальный читатель этой газеты. Некоторые периодические издания, ранее не публиковавшие резолюций и коллективных писем, начали делать это в 1917 году — тем самым аудитории газеты подавался сигнал: образцовые граждане должны поступать подобным образом; и если издание пользовалось авторитетом, то такого рода публикации могли спровоцировать появление новых резолюций. Интересен и язык цитированного патриотического послания: его авторы ценят то обстоятельство, что Керенский является социалистом, и выражают уверенность, что «вся Русь» не только уважает министра, но и «любит» его, т.е. речь идет о предписываемой политической эмоции.

Можно предложить и ответ на вопрос В. П. Федюка. Вероятно, автор резолюции, составленной от имени команды госпиталя, претендовал на то, что выражает мнение коллектива, и использовал подбодряющие слова, которые должен был находить активист, претендующий на влияние. Резолюции не всегда точно отражали мнение коллективов, но они позволяют судить о языке многочисленного «комитетского класса» — тех членов всевозможных комитетов и советов, которые эти резолюции и составляли. Это важно и для понимания отношения к общенациональным лидерам, и для изучения тактики влияния активистов внутри коллективов. Немало «комитетчиков» строили свой авторитет на основе авторитета вождя — ссылаясь на последний и стараясь его укрепить.

Часть перечисленных выше источников выявлена автором в газетах 1917 года. Ни для какого другого этапа российской истории периодическая печать не может служить столь же ценным и богатым источником информации: отмена цензуры и интерес к печатному слову привели к появлению множества изданий, они дают представление обо всем спектре политических взглядов и даже о его специфичных

²⁷ Федюк В. П. Керенский. С. 144.

оттенках. Иногда помощь исследователю могут оказать обзоры печати, тематические подборки вырезок из газет, составлявшиеся и разными ведомствами, и отдельными современниками²⁸.

Для изучения культов вождей интерес представляют дневники участников событий, их переписка. Правда, использование этих источников связано с некоторыми трудностями. Во-первых, историк не всегда может быть уверен, что имеет дело с подлинным источником: авторы и публикаторы могли по разным причинам исказить текст, в некоторых случаях за дневники, например, выдавались более поздние воспоминания. Во-вторых, исследователь сталкивается с тем, что в представительстве разных социальных и культурных групп среди авторов писем и дневников имеется перекося в сторону обладателей некоторых профессий. Например, известно довольно много писательских дневников. Это неудивительно: для писателей дневник нередко является рабочим инструментом, сырьем для создания новых произведений (некоторые из них и получают форму дневника). В научный оборот введено также немало дневников и писем офицеров и генералов: образованные люди, оторванные в условиях войны от семей, отражали свою жизнь на бумаге. Однако дневников и писем предпринимателей известно мало. Также, несмотря на давний и обоснованный интерес исследователей к промышленным рабочим, в научный оборот введено немного источников личного происхождения, созданных в этой среде. Вероятно, рабочие нечасто вели дневники и не заботились о сохранении своей переписки. Уровень грамотности и образования авторов, членов их семей, особенности культуры общения в разных средах влияли на создание, а затем и публикацию писем и дневников; репрессии же советского времени не способствовали — во всех слоях общества — их хранению. Здесь подспорьем для историка могут стать обзоры переписки, подготовленные военными цензорами: историки могут использовать цитаты из писем, казавшиеся цензорам типичными или (и) особенно интересными, а также опираться на экспертные суждения, которые они, цензоры, давали в аналитических записках, обобщая свои наблюдения над настроениями авторов писем.

Экспертиза специалистов также может помочь и при реконструкции сознания неграмотных и малограмотных современников, прежде всего солдат: рапорты и отчеты командиров, комиссаров

²⁸ Об обзорах печати, создававшихся разными ведомствами, см.: *Жданова И. А.* «Век пропаганды»: Управление информацией в условиях войны и революции в России в марте — октябре 1917 г. // *Отечественная история.* 2008. № 3. С. 129–136. Керенский внимательно изучал подобные обзоры — см.: Там же. С. 135.

и «комитетчиков» разного ранга позволяют сверить оценки, сделанные людьми разных политических взглядов.

Значение воспоминаний для настоящего исследования ограничено, так как о политическом сознании участников событий невозможно судить на основании текстов, созданных позднее, — скорее их можно использовать для реконструкции политической культуры и исторического сознания той эпохи, когда они были написаны. И все же воспоминания важны для настоящего исследования: мемуаристы оказали — и продолжают оказывать — огромное воздействие на историографию. В текстах Л. Д. Троцкого и П. Н. Милокова, А. И. Деникина и Ф. А. Степуна порой трудно определить, где кончаются их воспоминания и начинается аналитическое осмысление истории, основывающееся на профессиональных знаниях авторов, которые не только опираются на свою память, но и изучают источники. И наоборот, в некоторые «истории», создававшиеся участниками событий, включались — в явной или скрытой форме — автобиографические фрагменты. В известном смысле это относится и к воспоминаниям Керенского²⁹.

Изучение культа Керенского невозможно без использования портретов, плакатов, почтовых карточек, шаржей и карикатур, значков и жетонов с изображениями вождя³⁰. Исследование визуальных источников позволяет судить иногда о «спросе на Керенского»: готовность потребителей приобретать его изображения свидетельствовала о популярности лидера. Не все источники такого рода доступны сейчас исследователям — многие отсутствуют в музейных коллекциях

²⁹ На основе материалов архива Гуверовского института Стэнфордского университета (США) Керенский издал, совместно с американским историком Р. П. Броудером, сборник документов: *The Russian Provisional Government, 1917: Documents* / Ed. R. P. Browder, A. F. Kerensky. Stanford (Calif.), 1961. Vol. 1–3. Это одна из наиболее важных публикаций источников по истории революции. Составляя сборник, Керенский исключил из него ряд документов, неблагоприятно освещавших его собственную деятельность.

³⁰ Об интересе к изображениям Керенского свидетельствует и то, что его портреты особенно часто печатались в периодических изданиях. Так, в 1917 году его портреты публиковались не менее чем в 32 журналах, при этом не менее 12 печатали их в двух и более номерах. Между тем портреты Милокова публиковались в том же году в 17 журналах, Брешко-Брешковской — в 16, Гучкова — в 15, Родзянко — в 13, Чернова — в 12, Плеханова — в 8, а Ленина — в 6. См.: *Русские портреты, 1917–1918 гг.* / Сост. М. Г. Флеер. Пб., 1921 (репринт. изд.: М., 2010). М. Г. Флеер не смог, разумеется, просмотреть всю вышедшую периодику, однако основные иллюстрированные издания были им учтены, и эти сведения дают представление о распространенности визуальных образов различных политических лидеров.

и каталогах коллекционеров, но в этом случае историки могут воспользоваться различными их описаниями в современной прессе, в письмах и дневниках.

Главное внимание в этой книге уделено тем образам вождя, которые создавались и распространялись в марте — июне 1917 года, хотя в случае необходимости я выхожу за эти хронологические рамки. Во многих работах историков данный период рассматривался как особый — «мирный период развития революции», «период двоевластия». Однако выбор именно этого временного отрезка был связан для меня не только с историографической традицией. Все перечисленные группы источников — речи Керенского, пропагандистские материалы, политические резолюции, документы личного происхождения, воспоминания, визуальные источники — я изучал, исследуя весь период революции 1917 года³¹. Работа же с этими источниками позволяет

³¹ Различные аспекты деятельности Керенского на протяжении всего 1917 года и процессы создания и использования его образов в этот период я рассмотрел в некоторых своих публикациях: *Колоницкий Б. И. А. Ф. Керенский и Мережковские // Литературное обозрение. 1991. № 3. С. 98–106; Idem. Kerensky // Critical Companion to the Russian Revolution / Ed. E. Acton, V. Iu. Cherniaev, W. G. Rosenberg. London; Sydney; Auckland: Arnold, 1997. P. 138–149 (см. на рус.: Он же. Керенский // Критический словарь русской революции: 1914–1921 / Сост. Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Черняев. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 128–138); Он же. Культ А. Ф. Керенского: Образы революционной власти // The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol. 24. No. 1–2. P. 43–66; Он же. Британские миссии и А. Ф. Керенский (Март — октябрь 1917 года) // Россия в XIX–XX вв.: Сб. ст. к 70-летию Р. Ш. Ганелина / Ред. А. А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 67–76; Он же. Культ А. Ф. Керенского: Образы революционной власти // Отечественная история. 1999. № 4. С. 105–108; Он же. Александр Федорович Керенский в его речах (1917 год) // Нестор. 2001. № 1 (5). С. 125–140; Idem. «We» and «I»: Alexander Kerensky in His Speeches // Autobiographical Practices in Russia — Autobiographische Praktiken in Russland / Eds. J. Hellbeck, K. Heller. Göttingen, 2004. S. 179–196; Он же. «Его превосходительство» «министр народной правды»: А. Ф. Керенский в политическом сознании (март — октябрь 1917 года) // Власть, общество и реформы в России (XVI — начало XX века): Материалы научно-теоретической конференции 8–10 декабря 2003 года. СПб., 2004. С. 341–353; Он же. Легитимация через жизнеописание: Биография А. Ф. Керенского (1917 год) // История и повествование / Ред. Г. В. Обатнин и П. Песонен. Хельсинки; М., 2006. С. 246–278; Он же. Александр Федорович Керенский как «жертва евреев» и «еврей» // Jews and Slavs. Jerusalem, 2006. Vol. 17: The Russian Word in the Land of Israel, the Jewish Word in Russia. P. 241–253; Он же. «Каторжные приказы Керенского»: К изучению большевистской пропаганды в мае 1917 г. // Новейшая история России (К 75-летию почетного профессора СПбГУ Г. Л. Соболева). СПб., 2010. С. 49–73; Idem. The Political Use of the Past: Kerensky as an inventor of political tradition // ICEES VIII World Congress: Eurasia: Prospects for Wider Cooperation. Abstracts, July 26–31, Stockholm. Stockholm, 2010. P. 56–57; Он же. А. Ф. Керенский как «первый гражданин» // Факты и знаки: Исследования*

сделать вывод о том, что для становления культа вождя важен был именно этап с марта по июнь. У главы Временного правительства оставалось много поклонников летом и даже осенью 1917 года: можно привести немало газетных заметок и политических резолюций, поддерживавших его. Однако при этом сторонники Керенского продолжали использовать те положительные образы, которые были созданы еще на начальном этапе революции — арсенал средств прославления лидера сформировался уже в мае-июне. Новые образы главы Временного правительства, появлявшиеся позже, были нацелены уже на делегитимацию вождя.

Каким образом, с помощью каких приемов укреплялся (и ослаблялся) авторитет Керенского в марте — июне 1917 года? Какие культурные формы его авторитет принимал, какая тактика при этом использовалась? Какие фазы прошел данный процесс? Как особенности политической борьбы в марте — июне 1917 года влияли на различные проекты легитимации/делегитимации Керенского? Какие силы и какие интересы за этим стояли?

На перечисленные вопросы я и пытаюсь ответить в этой книге.

по семиотике истории / Ред. Б. А. Успенский, Ф. Б. Успенский. М., 2010. Вып. 2. С. 134–149; *Он же*. Керенский как «новый человек» и новый политик: К изучению генеалогии культа личности // Человек и личность в истории России (Конец XIX — XX век): Материалы международного научного colloquium. Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 262–274; *Он же*. Феминизация образа А. Ф. Керенского и политическая изоляция Временного правительства осенью 1917 года // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: Проблемы истории и историографии»: Сб. докладов. СПб., 2013. С. 93–103; *Он же*. «Взбунтовавшиеся рабы» и «великий гражданин»: Речь А. Ф. Керенского 29 апреля 1917 и ее политическое значение // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2014. No. 7. P. 1–51; *Idem*. Russian Leaders of the Great War and Revolutionary Era in Representations and Rumors // Cultural History of Russia in the Great War and Revolution, 1914–22 / Ed. by M. Frame, B. Kolonitskii, S. G. Marks, and M. K. Stockdale. Bloomington, 2014. Book 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions. P. 27–54; *Он же*. Образы А. Ф. Керенского в газете «Дело народа» (март — октябрь 1917 года) // Судьбы демократического социализма в России: Сб. материалов конференции / Отв. ред. К. Н. Морозов. М., 2014. С. 202–221.